Петр ПРОСКУРИН

ТЕПЛЫЙ ДОЖДЬ

Тема моей новой повести «Полуденные сны» — жизнь ученых-физиков во всем ее многогранном проявлении: духовном, материальном. Эта повесть об истинном и ложном в человеческих отношениях, о проблеме таланта как форме раскрытия и духовного обновления личности. Люди науки глубоко проникли в тайны материи, хорошо знают природу, воспринимают ее обостренно. Мир природы, в котором происходят непрерывные сложнейшие процессы, неотделим от жизни человеческой. И об этом тоже речь...

Содержание повести — это история взаимоотношений в одной семье, представляющей три поколения: старшее, среднее и дети. Одновременно рассматриваются отношения людей науки: борьба, поиски, столкновения посредственности и таланта. Пытаюсь проследить духовное богатство героев. Даже в том случае, если человек (имеется в виду талантливый) временно потерпел поражение, душа его все равно становится светлее, чище.

Публикуемая глава — точнее фрагменты — характеризует, как мне кажется, тот момент, когда люди, связанные духовно, сначала разошлись, а в описываемый момент вдруг открыли друг друга, как бы поняли наконец один другого.

Полностью повесть публикуется в журнале «Молодая гвардия».

АВТОР

СЛУЧИЛОСЬ это в самую жаркую пору лета, во второй половине июля. Вначале установилась необычайно жаркая погода, а затем пришла большая гроза, и после нее почти неделю, с редкими, душными от испарений, просветами, лил небывалый дождь. Вода бежала по всему саду и лесу, улицы поселка превратились в речки, а озеро в конце недели вышло из берегов и затопило сад и часть оврага.

Самое же интересное началось на пятый день.

Дети проснулись рано и тотчас услышали ровный, непрерывный шум дождя. Зевнув, Олег перевернулся на другой бок, но больше не спалось.

— Ты спишь? — спросил он Дашу.

— Нет, — сказала Даша и села в кровати. — Я всю ночь плыла по реке с мамой и папой. На большо-о-ой лодке! — как можно шире развела она руками. — Во-от-на тако-ой!

— От дождя приснилось, — уверенно сказал Олег. — Такой удивительный дождь! Можно сделать плот и из нашего озера поплыть прямо в Тихий океан или в Африку. Сейчас вся земля в воде. А в Тихом океане есть тропические острова, там живут обезьяны, попугаи и крокодилы...

— Доброе утро, дети, — зевая, сказала Семеновна. — А с тобой мы уже здоровались, — остановила она с готовностью бросившегося к ней Тимошку. — Всю ночь не спала. Совсем поясницу разломило, места не нахожу, такая сырость. Шутка ли, неделю льет как из ведра. Сейчас вас покормлю, и придется все-таки идти в магазин. Ни хлеба, ни масла, ни сахара, ни молока. А может, уже и магазина никакого нет, дождем смыло...

— Я с тобой пойду, — решительно заявил Олег. — Одной столько нести... Папа не велел.

— С кем же Даша у нас останется?

— С Тимошкой...

— А я не маленькая! — вскинулась Даша. — Я одна останусь, пусть Тимошка с вами уходит.

— Конечно, ты большая, Даша, — примирительно заметила Семеновна. — Но дома тоже кому-то нужно оставаться. Добро стеречь. Как без Тимошки! Потом, Олег — мальчик, он больше донесет, мне из-за поясницы тяжелого не поднять...

После долгих сборов и наставлений Даше вести себя хорошо, никуда не выходить из дому, не простудиться и быть примерной девочкой Семеновна с Олегом ушли. Даша перебежала в другую комнату и, прильнув к окну, подождала, пока Семеновна с Олегом выйдут за калитку. Под непрерывными потоками дождя и брат, и Семеновна стали быстро уменьшаться, несмотря на большой черный зонтик в руках Семеновны, и скоро совсем растворились в дожде. Даша еще подождала немного и начала собираться. Она взяла из шкафа свой прозрачный плащ с капюшоном, натянула его на себя, затем в свою красивую плетеную сумочку, подаренную ей в прошлом году Татьяной Романовной в день рождения, положила из домашней аптечки бинт, пузырек с йодом, сунула несколько шоколадных конфет.

— Ты, Тимошка, пойдешь со мною, — строго сказала она. — Олег и тетя Женя домой вернутся из магазина, а мы с тобой будем далеко, мы с тобой в Африку поплывем.

Закончив приготовления к далекому и трудному путешествию, Даша почувствовала страх, но раскисать себе не разрешила, вспомнив, что перед отъездом папы с мамой все на минутку присели, она тоже примостилась на краешке стула в гостиной и приказала Тимошке сесть рядом. Тимошка сел, задрав черный нос и по-прежнему усиленно принюхиваясь.

— Ну, посидели, и хватит, — решительно сказала Даша. — Нам, Тимошка, уже пора, пошли.

Разлившаяся по саду вода кипела от дождя, и отважное Дашино сердце бешено стучало от собственной решимости. Кроме того, у большой яблони смутно маячили мостки, сорванные поднявшейся водой, — великолепный плот, целый корабль. Даша увидела их из окон террасы еще во время завтрака. Теперь только нужно было как-то добраться до них, оттолкнуть от яблони и поплыть навстречу Тихому и ждущему океану, и Даша решилась. Прихватив стоявшую на крыльце крепкую палку, принесенную Семеновной для хождения в непогоду, Даша спустилась с крыльца и в сопровождении Тимошки двинулась к мосткам. Вначале воды было мало, затем она дошла Даше до колен, поднялась до пояса: Тимошка, шлепавший следом, скоро уже плыл. Даше стало страшно, хотя мостки были уже рядом. Даша, сопя, легла на их край животом и, молотя ногами по воде, кое-как вскарабкалась на сбитые вместе прочные доски. Тимошка одним рывком оказался рядом с ней и, борясь с непрерывно падавшими сверху потоками воды, несколько раз яростно отряхнулся, затем сел и, словно спрашивая, что же будет с ними дальше, посмотрел на совершенно промокшую Дашу.

Чувствуя под собой непривычную и ненадежную опору, Тимошка осторожно подобрался к Даше, ткнул ее носом и, тихонько повизгивая, предложил, пока не поздно, вернуться назад, в сухой и теплый дом. Даша сразу поняла его, но впереди ждал океан, и не всегда же будет идти дождь, подумала она и решительно оттолкнулась концом палки от яблони. Мостки под ней неожиданно легко двинулись, и Даша от неожиданности хлопнулась на колени: от радостного чувства начала океана она подняла захлестываемые дождем глаза к небу и засмеялась. Тимошка плотно прилип к доскам, боясь потерять равновесие, и Даша решила наградить своего верного спутника: конфеты в сумочке уже успели размокнуть, и Даша, зачерпнув сладкого, липкого месива горстью, дала полизать Тимошке, затем полизала сама. Приподнявшись на колени, она постаралась достать палкой дно: мостки, тихо, незаметно увлекаемые появившимся слабым течением, уже медленно плыли по озеру, и Даша дна не достала.

— Ну вот, Тимошка, — сказала она очень серьезно, — мы вышли в открытый океан. Теперь гляди, а то может появиться акула... и проглотит тебя, а затем меня. Они злющие...

Мостки продолжали тихонько, чуть заметно покачиваясь, куда-то двигаться, и Тимошку больше всего беспокоило именно это; он не выносил неуверенности. Неба не было видно, оно, казалось, начиналось с обвисших над озером берез; густой и сочный шелест дождя сливался с веселым шумом озера. От такой первобытной мощи бесстрашного сердца Даши коснулось чувство какого-то озноба, почти восторга; время тянулось бесконечно, и теперь Даша не могла даже вспомнить, когда она выбралась из дому и сколько длится ее путешествие.

— Ой, тропический ливень, Тимошка, — мужественно сказала она, захлебываясь от дождя и напрасно стараясь сгрести с лица льющуюся воду. — Дождь теплый, теперь скоро необитаемый остров. Тимошка, Тимошка, ты чего молчишь? — спросила Даша. — Ты должен лаять, Тимошка, — потребовала она, — а то мы столкнемся с каким-нибудь пиратским кораблем. Голос, Тимошка, голос!

— Ав! ав! ав! — выдохнул из себя Тимошка, не скрывая недовольства и осуждения; и никто бы на его месте не понял, почему нужно было сухой и теплый дом предпочесть плаванию на сомнительных досках, да еще в такую погоду.

Дождь, казалось, усилился, хотя сквозь низкие тучи почувствовалось невидимое солнце, стало душно и трудно дышать, и во всем вокруг слегка обозначилось движение к какой-то перемене. Ощутив ее первым, Тимошка, встав на ноги и укрепившись, несколько раз ожесточенно отряхнулся, мостки задрожали, заходили ходуном. Даша округлила глаза и застыла. Из-под нависшего над водой густого, никогда не виданного Дашей дерева с длинными мохнатыми листьями показалась устрашающе длинная морда какого-то чудовища. Даша потерла глаза и увидела самого настоящего крокодила, пучеглазого, с коротко торчавшими лапами по бокам... Недолго думая, крокодил распахнул глубокую, как яма, пасть, и Даша, заставив Тимошку опять вскочить на ноги и напрячься, отчаянно завизжала, упала ничком на мостки и прикрыла голову руками. Мостки, покачиваясь, медленно поплыли под деревьями. Тимошка молчал...

Здесь и началось самое страшное: мостки, влекомые образовавшимся течением воды из переполненного озера, глухо обо что-то стукнулись, слегка накренились, и Даша, не успев ни о чем подумать, скатилась в воду. Она закричала, захлебнулась, рука ее натолкнулась на сук, она намертво ухватилась за него и с неожиданной ловкостью стала карабкаться вверх и вскоре уже сидела высоко на старой ветле, единственной среди окружавших озеро берез.

— Тимошка! Тимошка! — шепотом позвала Даша; никакого ответа в обвальном, все заполняющем шуме дождя она не услышала. Мелькнула жуткая мысль о крокодилах; теперь она достоверно вспомнила, что, перед тем как скатиться в воду, она увидела вцепившуюся в край мостков необъятную зубастую пасть, она даже услышала хруст досок и хриплый лай Тимошки, бросившегося на отвратительное чудовище южных морей. Теперь Даша знала, кому она обязана жизнью: пока Тимошка боролся с крокодилом, она успела забраться на дерево, а теперь крокодил, проглотивший Тимошку, подгрызает под водой дерево, на которое она забралась, недаром же оно все время содрогается. Даше стало жарко, она беспомощно оглянулась, вокруг таились враждебные силы, дождь не прекращался, казалось, он лишь усиливается. Ничего утешительного она придумать не могла; от дождя, от слабости у Даши начала кружиться голова. Она крепче ухватилась за дерево, прижалась к его мокрому холодному стволу лицом. В этот критический момент она и услышала какие-то знакомые звуки: лаял Тимошка, и кто-то звал ее. Она узнала голос Семеновны, хотела закричать в ответ, но голос у нее пропал, она лишь беззвучно открывала и закрывала рот...

— Нет, Даша, своей смертью ты не помрешь, — сказала она, с силой укладывая девочку в постель.

— А я в Африку плыла, — сообщила Даша, оправдываясь и стараясь не смотреть на брата. — Я с Тимошкой плыла, а потом нас крокодил опрокинул...

— Что? — не выдержал молчавший до сих пор Олег, а Тимошка, еще не просохший и тоже напряженно слушавший, внимательно шевельнул ушами.

— Ничего! — вызывающе отрезала Даша. — Он нам плот опрокинул, а я на дерево полезла, а он Тимошку проглотил... Мне показалось, что проглотил, — тут же добавила Даша.

— О, господи, — шепотом пожаловалась Семеновна, смахивая слезы фартуком, а хмурый Олег, пытавшийся придумать, как бы по-мужски серьезно выразить свое отношение к случившемуся, попросил Семеновну не волноваться и простить Дашу. Один Тимошка, выражая свою радость благополучному исходу путешествия, положил передние лапы на край постели и лизнул Дашу в щеку...

К вечеру, скорее, от непрекращающегося дождя и Семеновна, и Олег с Дашей, и, разумеется, Тимошка собрались в комнате с телефоном, и хотя никто ничего не говорил вслух, все втайне почему-то надеялись и ждали звонка от Васи; общее настроение передалось Тимошке. Надвинулась ночь, шел дождь, и Вася никак не хотел объявляться даже в телефонной трубке; Тимошкой овладело очень тревожное и неприятное чувство опасности, Тимошка метался из комнаты в комнату, взлетел на второй этаж, и здесь, в кабинете Васи, тоска его достигла наивысшей силы. Он прыгнул в Васино кресло, поднял морду и жутко на весь дом завыл. Ни Даша после тяжких испытаний прожитого дня, ни Олег его не услышали; Семеновна, несмотря на свою глухоту, на какое-то мгновение открыла пустые от сна глаза и опять заснула.

Именно в этот миг Вася, находившийся от своего дома за много-много километров, висевший над темной зияющей расщелиной, зацепившись за кривое, изогнутое, с обнажившимися мощными корнями деревце, уже хотел разжать онемевшие пальцы и даже сделал такую попытку, только пальцы не подчинились. Холод от онемевших пальцев распространился по всему телу, но пальцы не разжались. Вася уже как-то равнодушно, как нечто постороннее отметил это и не удивился.

Разгулявшийся циклон достиг далеких старых южных гор к полудню в пятницу, и здесь сила его удвоилась. Татьяну Романовну и Васю непогода застала высоко в горах: они и раньше не раз, приготовив с вечера несколько бутербродов, затемно уходили в горы, осваивая новые и новые места. Накануне, в четверг вечером, позвонив в Москву, Татьяна Романовна узнала о том, что назначение Кобыша подписано. Не говоря Васе ни слова, Татьяна Романовна, наконец, из-за совершенного пустяка, из-за того, идти или не идти вечером слушать симфонический концерт областной филармонии на летней открытой эстраде, в пух и прах рассорилась с Васей и даже решила совсем уехать домой. Водрузив чемодан на самое видное место в их номере — на низеньком столике возле телевизора, Татьяна Романовна принялась укладывать вещи. Вася лежал на диване и демонстративно читал свежий номер «Иностранной литературы», его молчание подстегивало ее еще больше. Она по одному доставала из шкафа свои платья, с холодным высокомерием шла через всю комнату мимо Васи к чемодану, затем возвращалась обратно.

— Ну, хватит, Танюш, — попросил он, — ну что ты так вскинулась? Какой дурак, скажи, станет ждать, беречь для тебя начальственное кресло? И ты знала, когда согласилась ехать сюда, и я знал, что оно уплывет от нас.

— Знали мы по-разному! — приняла вызов Татьяна Романовна.

— Я больной человек, у меня давление, у меня весь отдых насмарку пойдет, — пожаловался Вася. — Ну сколько, скажи, можно обсасывать одно и то же? Что тебе далась эта лаборатория? Ты ведь знаешь, я, по сути дела, руковожу постановкой эксперимента. Они же все вокруг меня вертятся.

— Вот-вот! — с готовностью подхватила Татьяна Романовна. — «Главный теоретик»! Только такой единицы в нашем институте не существует! Ты просто дойная корова, и все, кому не лень, тебя доят! Кобыш не Морозов, он себя покажет. Ты у него попляшешь на горячей сковородке. А когда кончит тебя потрошить, задвинет куда-нибудь.

— Подожди, подожди, — остановил Вася ее обидные прогнозы. — А почему именно куда-нибудь?

— Нужно же куда-нибудь отработанный балласт девать.

— Танюш, ну, ладно, ну, я бесполезный, я балласт, но ты ведь у меня полезная, активная, будешь представлять нашу фирму в единственном числе, глядишь, нива науки не заглохнет...

В ответ в чемодан полетело все подряд: тапочки, пудреница, обшитая кожей походная шкатулка с пуговицами, нитками...

Затем они как-то неожиданно помирились, и, близоруко щурясь, Татьяна Романовна задумчиво глядела в сгустившуюся синеву окна, а Вася методично доставал из чемодана и развешивал на плечики в шкаф ее платья. Татьяна Романовна с улыбкой следила за высокой, чуть сутуловатой, сильной фигурой Васи; глядя на его загорелую шею, вдруг ревниво подумала, что он еще совсем молодо смотрится, на тридцать, не больше. «Глупости! — рассердилась на себя Татьяна Романовна.— Баба!» И все-таки, порывисто вскочив, она подошла к Васе и на всякий случай, утверждая свою власть над ним, хозяйски поцеловала его раз и другой. Наутро, прихватив с собой хлеба, вареных яиц и колбасы, две бутылки воды, они, едва-едва стало светать, были уже в горах. Далеко внизу под ними выгибалась изумрудно-бледная, словно выцветшая, непрерывно меняющая оттенок, отсюда, с высоты, необычно плоская, необъятная чаша моря; сквозь охвативший край неба нежно пламенеющий огонь деловито и неудержимо прорывалось солнце, но самый берег моря, человеческое жилье, примостившееся узкой полосой вдоль морского берега, отделял от Васи с Татьяной Романовной сплошной веселый туман; он полз вверх стеной, и Вася не мог определить, появился ли он только что, как это бывает в горах, или они, поднимаясь вверх, прошли сквозь него, не обратив внимания. Васю несколько встревожил туман, но небо было совершенно чистым, воздух неподвижным, все замерло, затаило дыхание в этот час; и в сердце тоже проникли разлитые вокруг тишина и тайна.

— Боже мой, и мы все куда-то мчимся, что-то наверстываем, суетимся, — неожиданно высказала Татьяна Романовна мысль, владевшую ими обоими, и Вася даже слегка отодвинулся от нее.

— Помолчим, Танюш, а? — вздохнул он в досаде на ее женскую несдержанность, боясь нарушить очарование минуты: солнце слепо обозначилось в огненной купели, подпрыгнуло над морем, сразу резко уменьшилось в размерах и брызнуло в глаза нестерпимым светом.

— Пошли,— скомандовал Вася; каменистая, еле заметная тропинка уводила их все выше и выше, к острым вершинам одиноких гор, дразняще-недоступно сияющих в ясном небе. Татьяна Романовна заразилась от Васи неудержимым азартом; карабкаясь уже совсем по незнакомым местам, они окончательно потеряли счет времени. Где-то на полпути они встретили чистое озерко, образовавшееся от минеральных ключей, напились и слегка передохнули: раза два или три прошли под совершенно отвесным карнизом; осторожно двигаясь вслед за Васей и обмирая, Татьяна Романовна старалась не глядеть вниз, на густую грубую шубу елей, на неудержимо несущиеся вниз горные потоки, кажущиеся отсюда, с высоты, тонкими ручейками. Татьяна Романовна не призналась Васе в своей слабости, лишь пожаловалась на усталость; выбрав приглянувшееся, продуваемое легким ветерком местечко под пышно разросшимся орехом, они остановились на отдых.

— В следующий раз Олега с собой возьмем, — Вася блаженно откинулся на спину. — Ничего, Даша поплачет и успокоится, мала она еще для гор...

Татьяна Романовна ничего не ответила, хотя про себя и позабавилась неожиданно проснувшимся отцовским чувством мужа. Мимо энергично прошла группа молодежи, шумно их поприветствовала: судя по снаряжению, это были спортсмены-скалолазы. Туман растаял, и далекое море отсвечивало едким расплавленным серебром. Васю разморило; повернувшись на бок, он задремал, по-детски оттопырив большие губы, а Татьяна Романовна, собрав остатки еды и завернув в салфетку, тоже выбрала тенистое местечко и легла, прикрыв лицо косынкой. Подумалось о детях: стало хорошо и покойно, почему-то вспомнилась давно умершая бабушка, ее морщинистые, ласковые, в коричневых пятнышках, вечно что-то вяжущие руки...

Рисунок П. КАРАЧЕНЦЕВА

Татьяна Романовна резко вскинулась после короткого тяжелого сна; Вася по-прежнему спал в своей излюбленной позе, на боку, подтянув колени к самому подбородку; солнце исчезло, в скалах резво посвистывал ветер, в небе неслись, опускаясь ниже и ниже, густые взлохмаченные тучи. Стянув волосы косынкой, Татьяна Романовна торопливо разбудила Васю, и он, едва глянув в сторону потемневшего, уже белевшего пенными барашками моря, вскочил на ноги, и они начали быстро спускаться вниз и до начала дождя прошли порядочно. Группа скалолазов, виденная ими ранее, нагнала их; не задерживаясь ни на минуту, на ходу старший деловито и строго посоветовал им поторопиться и скорее спускаться к берегу или уже выбрать устойчивое место и переждать непогоду в горах; Татьяна Романовна, оступившись, к тому же стала прихрамывать, и Вася сбавил шаг. Словно в предвестии близкой ночи, быстро стемнело; от нависших еще ниже облаков они почувствовали сырость на лицах.

— Вляпались, — пробормотал Вася, и в ту же секунду, заставив их присесть, гулко и раскатисто ударил гром и хлынул дождь. Теперь приходилось двигаться почти ощупью: тропа, по которой уже змеились бурные потоки, круто и неожиданно петляла. Самое опасное место над пропастью под отвесным карнизом они успели проскочить еще до дождя, но Вася, обеспокоенный за Татьяну Романовну, совершенно забыл еще об одном крутом повороте — над глубокой расщелиной почти сразу же за карнизом. Он вспомнил о нем, лишь увидев, как Татьяна Романовна, шедшая ощупью теперь впереди, вскрикнула и обмерла: сильным болевым толчком Вася почти швырнул Татьяну Романовну вперед, на безопасную широкую площадку, и в этот же момент сам как бы скользнул в пустоту, успевая все-таки всем телом, раздирая грудь и руки, плашмя броситься на камни и, несмотря на это, продолжая по-прежнему неудержимо, со ставшим неимоверно тяжелым сердцем, все быстрее и быстрее сползать вниз. «Кажется, все», — мелькнула короткая беспощадная мысль, и пальцы мертво за что-то схватились. Он услышал странно одинокий, пронзительный животный крик Татьяны Романовны: и тут Вася понял, что держится он за довольно толстый ствол какого-то крепкого деревца, каменно вросшего в расщелину над самой пропастью, что сам он всем телом прирос к крутому, почти отвесно обрывавшемуся вниз откосу. Стараясь не шевелиться, Вася едва ощутимым невесомым движением раздвинул ноги, нащупывая хоть какую-либо неровность и тем самым стараясь облегчить руки; это ему в какой-то мере удалось.

— Таня, Таня, не теряй голову, слышишь, — стараясь говорить отчетливо и не затрачивать усилий, наконец подал он голос. — Не смей сходить с места, осмотрись! Ты слышишь?

— Я здесь... здесь...

— За нами кто-то шел... я слышал голоса, — сказал Вася тем же размеренным невесомым голосом.— Не двигайся, слышишь!

— Хорошо, хорошо, — торопливо ответила она, уже понимая, что не может больше ждать; она поползла на четвереньках, обдирая колени, по шипящей от дождя тропе, поползла в ту сторону, откуда, она инстинктивно чувствовала, должна была прийти помощь, а когда опасное место осталось позади, с трудом встала и, преодолевая рушащийся дождь, как бы разгребая его, бросилась дальше. И Вася почувствовал ее уход, несильно окликнул ее раз-другой и затих, стараясь как можно спокойнее и медленней обдумать, как упрочить свое положение. Если бы не дождь, он бы еще и сам попытался выкарабкаться, а теперь оставалось лишь ждать и терпеть. Время замедлилось и остановилось: проверяя, жив ли он еще, Вася иногда крепко зажмуривался, стараясь смаргать с глаз воду. Он не знал, день теперь или ночь: дождь расслаблял и усыплял, и он уже несколько раз готов был разжать руки: ощущая все больше распространяющееся оцепенение по всему телу, Вася опять отметил его как нечто постороннее, не касающееся его и не удивился, он словно весь одеревенел. Он не знал, откуда пришла помощь, но она пришла, по всему его телу разлилась волна живого тепла. Совершенно отчаявшемуся и уже безразличному и к жизни, и к смерти, и к тому, что его ждут, любят и что он необходим и сыну, и жене, и своей маленькой дочери, Васе вдруг стало жаль себя и захотелось жить. «Звезды, конечно, они», — подумал Вася, глядя на мокрые, остро лучащиеся, словно только что народившиеся в просветлевшем, очистившемся от туч и дождя куске неба. Дождь ослабел, и разрывов в тучах стало больше: действительно, уже пришла ночь, со звездами, спокойствием и глубиной Млечного Пути. Помощь в истончившейся и уже недостающей для дальнейшей жизни ниточке пришла к Васе оттуда, от звезд, и его опять захлестнула любовь к себе, и стало обидно за себя, за свое сильное, большое, полное желаний тело. Он знал, что до края тропинки, бегущей по узенькому карнизу, прилепившемуся над самой пропастью, метра два-три — не больше; ему еще повезло, что оступился он над небольшой расщелиной в стене пропасти и ему подвернулся крепкий стволик дичка, скорее всего — груши. Стволик выдержит, и он продержался бы еще какое-то время, но, как он ни прижимается к скале всей спиной, стараясь помочь слабеющим рукам, силы убывают. А подтянуться и лечь на стволик деревца животом он не может (о таком усилии ему даже подумать страшно), хорошо еще, что под ногу попалась какая-то шероховатость в почти отвесной стене, и он в своем оцепенении все время помнил об этом подарке судьбы; можно дать чуть-чуть отдохнуть сначала одной, затем другой руке, правда, не разжимая пальцев, а лишь слегка ослабляя их мертвую хватку. Как это могло случиться? И дождь... Ведь за ними кто-то шел, буквально по их следам, он не мог ошибиться, то и дело слышались уверенные молодые голоса. О Татьяне Романовне он запретил себе думать: он боялся и не хотел совсем ослабеть: если ее нет, значит, так надо, так должно быть...

В этот момент к Васе и прорвались какие-то посторонние звуки; сердце у него заколотилось, это были люди, они сдержанно переговаривались, и потом над самой его головой раздался осторожный хрипловатый голос.

— Эй, друг... держишься? — негромко позвал кто-то. — Сейчас... сейчас, потерпи, совсем чуток осталось.

— Вася, Вася, — чуть слышно подала голос и Татьяна Романовна: в мягкой, такой знакомой интонации, как она ни пыталась скрыть, прозвучали страх и страдание.

Дождь припустил снова; Вася прикрыл глаза, защищая их от хлынувшей сверху воды.

— Вася! Вася! — опять послышался, теперь уже громче, умоляющий, оглушающе близкий голос Татьяны Романовны, и какая-то сдерживающая плотина прорвалась, и Вася почувствовал подступившую к нему вплотную, заглатывающую, сосущую мглу бездонного ущелья.

— Здесь я, здесь, — отозвался Вася беззвучно, на большее усилие не хватило сил, казалось, вот-вот — и он сорвется; и сразу же с ним рядом появилось чье-то молодое, мокрое и очень грязное лицо.

— Держись,— тихо сказали Васе, одним точным движением захлестывая на нем тонкий шнур; сквозь вязкую, внезапную глухоту (ему опять что-то негромко сказали) Вася почувствовал, что его крепко и надежно стиснуло и подхватило под мышками.

— Пальцы, пальцы разожмите, — понимающе попросил молодой голос; Вася и без него знал, что все плохое позади, но не мог с собою ничего поделать: он не чувствовал своих онемевших пальцев и разжать их не мог.

Его медленно и уверенно потянули вверх.

— Пальцы... Разожмите пальцы!

— Не могу, — хрипло и виновато отозвался Вася.

— А-а, понятно... сейчас...

Тут Вася почувствовал на себе чужие руки; вначале ему больно сдавили, проминая, плечи и локти, затем опять плечи, и тотчас что-то словно вонзилось в позвоночник. Пальцы сами собой разжались, отпуская деревце. Вася глухо вскрикнул, в глаза плеснулась пронзительная чернота: пришел он в себя уже наверху, на тропинке. Он сразу же увидел над собой смятое радостью лицо Татьяны Романовны, светящиеся нежностью и любовью глаза. Вася прижмурился и опять потерял сознание: и весь следующий день, уже окончательно придя в себя и лежа в своей удобной постели, он, продолжая чувствовать под собой сосущую бездонную пустоту, всякий раз тревожно вскидывался и окликал Татьяну Романовну; с усилием поворачивая голову, он видел, что Татьяна Романовна неотрывно, с каким-то новым, ранее незнакомым выражением смотрит на него.

— Что, Вася? Я здесь, — как эхо отзывалась Татьяна Романовна. — Что, опять плохо?

— Ничего, лучше, Таня, — успокаивал ее Вася. — Понемногу проходит. Только внутри еще что-то дрожит. Знаешь, мелко-мелко так с перерывами. Да, Танюша, здорово нас вертануло! — запоздало спохватился он. — Ты знаешь, Танюша, я тебе другое скажу, только не обижайся. Я ведь готов был признать твою правоту в нашем разладе... что ж, думаю, жизнь одна, зачем из себя пророка корчить? Ведь по-другому и легче, и проще; конечно, думаю, моя Татьяна Романовна права. Какого черта! Ведь я, если цель поставить, могу не только паршивую лабораторию прибрать к рукам, а кое-что и поинтереснее. Но знаешь, там, точно кто-то вечный, неназываемый, кто все про нас знает, точно в душу мне заглянул, наизнанку вывернул. И стало мне невыносимо. Ах, дурак ты, дурак, думаю. Ведь помрешь — и главного в жизни не успеешь, того, что тебе определено, из всей тьмы-тьмущей выделено. Ведь этого никто за тебя не сделает. Поделом тебе и наказание, и муки! За слабость! За отступничество! Подыхай!

— Вася! — оборвала его Татьяна Романовна с измученным, обрезавшимся лицом. — Не смей, не кощунствуй! Что ты все на свои плечи тащишь? Моя вина, мне и отвечать.

Она мучилась рухнувшим равновесием, проваливалась, не находила опоры, Вася понял и ободряюще улыбнулся ей.

— Ага, испугалась, что мужа-то потеряешь! Живи, пока живется, Танюш. Не терзай себя, не ешь поедом. Жить-то, что ни говори, хорошо,— сказал Вася, с наслаждением ощущая кожей чистую, скользко накрахмаленную поверхность простыни. — Пожалуй, пауза моя затянулась, все, безделье кончилось, я там это понял, в ущелье, я опять способен думать... Да, да, не удивляйся, Танюш, — заторопился Вася, боясь, что Татьяна Романовна перебьет его и он не сможет сказать того, что хотел. — Я еще отца вспоминал... никогда не вспоминал, он умер в пятидесятом, осколок сидел с войны, осколок нельзя было трогать... Правда, отец еще жил с час или полтора...

Тут Вася замолчал, и Татьяна Романовна, напряженно слушая его с виноватыми, влажно блестевшими глазами, боялась шевельнуться.

— Ну и что, Вася? — спустя какое-то время все-таки осторожно напомнила Татьяна Романовна о своем присутствии.

— Что? — очнулся Вася и с недоумением огляделся. — Ах, да, да... представляешь, Танюш, отец задолго почувствовал приближение смерти... Только теперь я его понял! — лицо Васи истончилось и как бы осветилось изнутри мучительной, неразрешимой догадкой. — Я его видел вчера, когда повис, как распятый... Бр-р,— неподдельно встряхнулся Вася.— Видел так ясно, как тебя вот сейчас. Знаешь, там я почувствовал то, что всегда присутствует в нас и чему мы, как правило, не верим. Я подумал: все, мой круг кончился, он пришел за мной... он был живой, я бы мог дотронуться до него, если бы мог освободить руки... Я его запах узнал, от него пахло, как в сильный зной от перегревшегося камня или сгоревшего железа... До меня дошел этот запах окалины, знаешь, Танюш, словно я расстался с ним вчера. Но даже не это главное!

Васе необходимо было выговориться, и она терпеливо ждала.

— Потрясающе другое! — продолжал Вася с таинственно-вопросительным выражением в глазах, снова и снова переживая поразивший его момент. — Отец повторил то, что сказал мне перед смертью ...слово в слово... «Береги, Васька, совесть, слышишь, береги совесть, — сказал он, — как бы тебе самому плохо ни было!» И тут, Танюш, я понял, что останусь жить... Иначе зачем бы он приходил? — сказал Вася, оттеняя смысл своих слов и голосом, и выражением лица.—Да, да, зачем бы ему было приходить, зачем-то это было нужно, чтобы он приходил! Меня словно огнем прожгло насквозь. Он помог мне. Вот почему я рук не отпустил.

— У тебя жар, ты весь горишь... не волнуйся, все хорошо, все позади,— осторожно напомнила Татьяна Романовна.— Вот выпей еще грушевого отвара, я прямо в чайнике заварила.

— Танюш, не покидай меня...

— Что, что? — растерялась Татьяна Романовна.

— Не покидай меня. Я такой непокидаемый. Тебе тяжело со мной. Я что-то в жизни не смог. Действительно, мог быть больший результат. Я не дал тебе счастья, все только собирался жить. Бежал, бежал, а жизнь-то — тю-тю! — уже прошла.

— Вася, перестань на себя наговаривать! Мне ничего не надо. Мне хорошо, ты рядом, что еще нужно? — Татьяна Романовна старалась скрыть замешательство перед непривычной, обезоруживающей откровенностью мужа, неловко отворачивалась, но против воли набегали слезы, мешая говорить. — Ты не знаешь, какой ты, Вася... Ты замечательный. Это я обыкновенная... Но я ведь не виновата, что именно столько мне отпущено. А если я что-нибудь и делаю не так, я потом понимаю, раскаиваюсь... Было бы тебе хорошо и детям, а я что? Наша игра уже сделана, Вася. Жизнь набело, Вася, не проживешь... А тут еще этот ужас. Вася, я спать не могу, — шепотом пожаловалась она, — закрою глаза, и все перед глазами кружится, и горы, и скалы, и деревья, никакой опоры под ногами, не за что ухватиться, тянет вниз, как в воронку. Вася, страшно, хочу крикнуть, не могу!

— Клин надо клином вышибать, Танюш. Вот погоди. Немного оправлюсь, приду в себя, и мы с тобой по тому карнизу обязательно пройдем.

Вася блаженно закрыл глаза; ему живо представился дом, Даша с Олегом, скамейка у озера, Тимошка. Вася не мог знать того, что именно в эту ночь Тимошка тоскливо метался до самого рассвета, время от времени тревожно подхватывался, прислушиваясь: в доме было тихо, все спали на своих местах, за стеной по-прежнему мирно шелестел дождь, и Тимошка пристыженно укладывался обратно на свою подстилку.